

Коминтерн и правый экстремизм в Германии в 1923 году*

1. Значение Германии в политике Советской России и Коминтерна

Вплоть до захвата власти национал-социалистами Германия была для большевиков важнейшим участком на революционном фронте. Если бы в Германии возникла «диктатура пролетариата», то объединенных сил советской Германии и советской России было бы достаточно, по мнению ведущих большевистских идеологов, чтобы победить «капиталистический» мир.¹ Отношение большевиков к Германии было окрашено исключительно сильными эмоциями, которые отсутствовали в отношении к любой другой стране. Творец марксизма родился в Германии, классические марксистские труды были изданы на немецком языке, здесь было самое сильное в мире и самое организованное рабочее движение, наконец, Германия была крупнейшей индустриальной страной Европы. Когда большевики говорили об электрификации, индустриализации и «цивилизации» России, они в первую очередь подразумевали Германию.² Особый оттенок в отношении к ней приносился большевистскими вождями еврейского происхождения. Многие еврейские интеллектуалы Восточной Европы рассматривали немецкую культуру как высшую форму европейской культуры и отождествляли себя с ней в большей степени, нежели с культурами тех стран, откуда были родом. В Восточной Европе они пропагандировали немецкие культурные ценности поистине с миссионерским рвением.

Пристальное внимание большевиков к Германии связано было также с тем, что непосредственное воздействие большевизма на немецкое общество было значительно большим, чем на ход событий в других европейских странах. Коммунистическая партия Германии после объединения с левым крылом Независимой социалистической партии в конце 1920 года стала массовой партией со значительным политическим влиянием. Большинство членов КПГ в 1920-1923 гг., как правило, прислушивалось к приказам, идущим из Москвы, иногда даже в противовес собственным убеждениям.

* Глава из моей книги *Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале. 1921-1935* (Luks Leonid. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus. 1921-1935.* Stuttgart, 1985).

¹ В апреле 1918 г. Ленин писал: «Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению из лучшей стали ...), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями...» (Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений (ПСС). М., 1958-65. Т. 36. С. 300-301).

² См. Ленин. ПСС. Т. 36. С. 82.

Таким образом, русские большевики смогли оказать немалое воздействие на внутреннюю политику Германии. Но они нашли средство влиять и на внешнюю политику этой страны.

Находясь под давлением победителей - стран Антанты – Германия нуждалась в России как в противовесе. Стесненное положение, в котором Германия оказалась после Версаля, отнюдь не было помехой для большевиков. Они рассматривали конфликт между Германией и силами победителей как некую константу европейской политики.³ При выработке своей внешнеполитической тактики в первые годы после Мировой войны большевики исходили из того, что примирение Германии и Запада невыносимо. На этом основывались их далеко идущие внешнеполитические амбиции. Излюбленной концепцией Ленина, которой он следовал в продолжение всего своего руководства страной, было сотрудничество высокоразвитой индустриальной Германии и богатой природными ресурсами, но экономически недостаточно развитой России.⁴ Когда после поражения немецких коммунистов в марте 1921 г. стало ясно, что ожидать победы революции здесь пока что не приходится, Ленин еще настойчивей стал добиваться союза с «буржуазной» Германией. Он был убежден в том, что объективные обстоятельства принудят немецких «капиталистов» к этому союзу. Такая кооперация, по его мысли, способствовала бы достижению независимости обоих государств.⁵ Вождь русской революции исходил из кажущейся слабости обеих стран и недостаточно принимал во внимание то, что такое состояние может быстро измениться. Он упустил из виду тот факт, что еще недавно Германия была достаточно сильна, чтобы вести войну против чуть ли не всех крупнейших держав мира; лишь четырехлетняя борьба сломила ее.

Правда, Ленин недооценивал не только политический и военный потенциал Германии, но и хозяйственные возможности собственной страны. На рубеже веков Россия переживала стремительную индустриализацию – не в последнюю очередь в результате мероприятий министра финансов Сергея Витте. Тогда многие наблюдатели ожидали, что Россия очень скоро станет одной из сильнейших индустриальных стран мира.⁶ Потенциальная мощь России была одной из причин - как убедительно показал в своем исследовании немецкий историк Фриц Фишер, - заставивших политическое и военное руководство империи Вильгельма планировать превентивную войну.⁷ Эта мысль играла не последнюю роль в развязывании Первой мировой войны.

В противоположность многим другим политикам и ученым, Ленин недооценил потенциал России. Хотя он мечтал об электрификации и индустриализации

³ Carr E.H. The Bolshevik Revolution. L., 1961. Vol. 3. P. 305-311.

⁴ Ср. Abramovitch R. Die Sowjetrevolution. Hannover, 1963. P. 227-229.; Geyer D. Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918-1932 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1976. P. 5-9.

⁵ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 68 и сл., 105 и сл.

⁶ См. Parvus. Der Klassenkampf des Proletariats. Berlin, 1911. P. 48.

⁷ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914-1918. Düsseldorf, 1961.

страны, но думал, что «чудовищная отсталость» оттянет решение этой задачи на многие десятилетия.⁸ Военное и хозяйственное превосходство стран-победителей было в глазах Ленина столь неоспоримым, что для выживания и Германии, и России ему казалось необходимым объединить силы обеих стран, чтобы хоть как-то защититься от этого превосходства. Поэтому он рассматривал Рапалльский договор как один из триумфов своей внешней политики. Договор должен был стать основой будущей внешней политики Советской России.⁹

Между тем, Рапалльский договор привел в смятение Коммунистическую партию Германии. Бывший член руководства КПГ Рут Фишер сообщает, что многие немецкие коммунисты не приняли союз советского руководства с немецкой «контрреволюцией».¹⁰ Троцкий попытался успокоить КПГ и заявил, что Рапалло означает не союз, а лишь начало нормализации отношений Советской России с «капиталистическими» государствами.¹¹ Однако это утверждение Троцкого было ослаблено высказываниями Бухарина и Радека на IV конгрессе Коминтерна в конце 1922 года. Бухарин заявил, что советское руководство имеет право заключить союз с буржуазией определенной страны, чтобы уничтожить буржуазию другой страны. Это вопрос исключительно тактической и стратегической необходимости. Коммунисты же других стран обязаны поддержать такой блок.¹²

Еще определеннее высказался Радек. В декабре 1922 г. он сказал, что западная политика подавления Германии имеет также своей целью уничтожение России как мировой державы. Независимо от того, какой режим будет в Германии, Россия нуждается в ее технологической поддержке и немецком противовесе могуществу Антанты - без этого Россия не сможет остаться мощным государством.¹³ Таким образом, борьба немецких коммунистов против собственного «буржуазного» правительства весьма осложнилась из-за того, что это правительство оказалось в союзе с Советской Россией. К своему ужасу немецкие коммунисты узнали, что сотрудничество между Веймарской республикой и Советской Россией охватывает не только хозяйственную и политическую, но и военную область. Тот самый рейхсвер, который стрелял в немецких рабочих, получил в Советском Союзе возможность производить запрещенное Версальским договором оружие и вооружать им своих солдат.¹⁴

⁸ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 110-117. Т. 43. С. 68 и сл.

⁹ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 183

¹⁰ Fischer R. Stalin und der Deutsche Kommunismus. Der Übergang zur Gegenrevolution. Frankfurt/Main, 1950. P. 235.

¹¹ См. Angress W. The Communist Bid for Power in Germany 1921-1923. Princeton/N.J., 1963. P. 236.

¹² Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 420.

¹³ Radek K. Die Liquidation des Versailler Friedens. Bericht an den 4 Kongreß der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1922. P. 22.

¹⁴ См. Carr E.H. German-Soviet Relations between the two World Wars 1919-1939. Baltimore, 1951; Freund G. Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. L., 1957; Kochan L. Russia and the Weimar Republic. Cambridge, 1954; Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918-1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt/Main, 1955.

2. Реакция советского руководства на оккупацию Рура

Оккупация Рурской области французскими и бельгийскими войсками в начале января 1923 года подтвердила тезис большевистских вождей о том, что Германия находится в глубокой депрессии и постепенно превращается в колонию Антанты. В одной из последних статей Ленина, опубликованной 2 марта 1923 г., он писал: «Все капиталистические державы так называемого Запада клюют (Германию) и не дают ей подняться».¹⁵ Оккупация Рура чрезвычайно взволновала советское руководство. Как писал ведущий советский публицист Стеклов 21 января того же года, беспомощность Германии может оказаться очень опасной для СССР. Теперь Франция может попытаться вместе с Польшей и Румынией напасть на Россию.¹⁶ В феврале Чичерин заявил, что Советский Союз отвергает оккупацию Рура: она нарушает процесс нормализации в Европе, служащий советским интересам.¹⁷ Но оккупация Рура вызвала у московских руководителей не только негативную реакцию. Более или менее осторожно высказывалось мнение, что обострение немецко-французского конфликта будет содействовать оживлению революционного движения в Европе, которое уже к весне 1921 года явно начало затухать.

В этом смысле высказался Бухарин на XII съезде РКП(б) в марте 1923 г.¹⁸ За несколько недель до этого Бухарин выразил ироническую благодарность французскому премьер-министру за то, что оккупацией Рурской области он вновь поколебал международную стабильность, которая только было установилась в Европе. Коммунисты приветствуют такой поворот событий, потому что стабилизация «капиталистической» системы была для них небезопасной, утверждал Бухарин. В период стабильности «пролетариат» удовлетворяется несущественным улучшением своих жизненных условий, становится жертвой реформистских иллюзий. В период же потрясений рабочие становятся более восприимчивыми к коммунистическим идеям.¹⁹ Столь противоречивые суждения иллюстрируют внутреннюю противоречивость позиции большевиков и Коминтерна по германскому вопросу. Коммунистам хотелось бы, чтобы Германия была одновременно и сильной, и слабой. От сильной Германии они ожидали, что она станет преградой антисоветской агрессии Антанты. С другой стороны, в ослабленной Германии было больше шансов на революцию, на то, что осуществится большевистская мечта о «советской Германии». Такая неоднозначность в немалой степени определяла отношение Коминтерна к Веймарской республике на протяжении всего кризисного 1923 года.

¹⁵ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 403.

¹⁶ Eudin X., Fischer H. *Soviet Russia and the West 1920-1927. Documentary Survey*. Stanford/Calif., 1957. P. 200-201.

¹⁷ Ibid. P. 198.

¹⁸ Двенадцатый съезд РКП(б) 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 276.

¹⁹ Eudin, Fischer. *Soviet Russia and the West*. P. 211.

Что касается КПГ, то она высказалась за революционное решение кризиса. Несмотря на внешнюю угрозу немецкому государству, компартия была против компромисса с собственной буржуазией. Когда в берлинском рейхстаге было получено известие об оккупации Рурской области французами и бельгийцами, депутаты всех партий встали, чтобы минутой молчания выразить свой протест против насилия. Остались сидеть лишь депутаты КПГ. Депутат от коммунистов сказал, что Либкнехт учил партию отвечать на национальную войну войной классовой. Лозунг КПГ - не классовый мир, а гражданская война.²⁰ Эта первая спонтанная реакция КПГ совершенно не совпадала с тактическими соображениями Москвы. Это стало ясно на лейпцигском съезде КПГ, состоявшемся в январе 1923 г., сразу после оккупации Рура. Карл Радек, который был делегатом Коминтерна, стремился не допустить на съезде дискуссии о революционных перспективах, открывающихся в Германии из-за Рура.²¹ Рут Фишер вместе с левым крылом КПГ настаивала на такой дискуссии. Позднее она писала, что Радек не допустил дебатов, видя в них опасность для установившихся немецко-советских отношений.²²

3. Годы 1914 и 1923 – сравнение

Оккупация Рура вызвала в Германии волну националистических настроений и охватила широкие слои населения. Это обстоятельство повлияло на тактические установки теоретиков Коминтерна. Многим из них стало ясно, что плыть против течения, с порога отвергать национальные интересы Германии значит обречь КПГ на изоляцию. К такого вывода пришли, например, авторы статьи, напечатанной 15 февраля 1923 г. в органе КПГ «Ди Интернационале». «По Германии движется национальная волна, исход которой нельзя предугадать. Значит, нужно использовать эту волну для нас, вместо того, чтобы она была использована против нас. Немецкое среднее сословие - мелкая буржуазия ... носитель этого движения».²³ В статье говорилось о том, что немецкий фашизм рекрутирует своих сторонников из мелкобуржуазных масс, разочарованных в социал-демократии и «крупном капитале». Эти массы пытаются преодолеть кризис существующей системы общим восстанием народа, направленным как против внутренней, так и против внешней политики государства. Но влияние фашизма не ограничивается мелкобуржуазной средой, он глубоко проникает и в рабочую среду, глубже чем фашисты в Италии. Вывод: немецкие коммунисты мало чему научились после

²⁰ Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 294-295.

²¹ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 277-279.

²² *Ibid.* P. 278-282.

²³ Leonid Friedrich A. *Der Mittelstand, Faschismus, Nationalbolschewismus und die Partei // Die Internationale*. 15.2.1923. P. 115.

победы фашизма в Италии; это можно заметить и по тому, как они борются за массы, поддерживающие фашизм в Германии.²⁴

Борьба за влияние на националистические настроенные слои Германии была главным элементом тактики Коминтерна и КППГ в последующие месяцы. На XII съезде РКП(б) (март 1923 г.) Бухарин заявил: Германия - одна из стран, поработанных Антантой, и КППГ должна привлечь на свою сторону те слои населения, которые противятся этому поработанию. Немецким коммунистам надо найти в себе мужество встать на защиту немецкой нации.²⁵ Август Тальхаймер в статье, опубликованной 18 апреля 1923 г. в «Ди интернационале», писал, что объективно борьба против французского империализма в данной ситуации окажется борьбой революционной. Немецкий пролетариат должен возглавить национальную борьбу против французской оккупации, с тем чтобы привлечь на свою сторону националистически настроенные мелкобуржуазные массы.²⁶

В этих условиях тактика Коминтерна в Германии становилась весьма неоднозначной. Коминтерн все еще отстаивал идею единого фронта с социал-демократией и выступал за образование правительства рабочих в различных германских землях - например, в Саксонии и Тюрингии. С помощью этой политики Коминтерн хотел привлечь на свою сторону большинство немецких рабочих из СДПГ. В то же время он апеллировал и к националистическим кругам в Германии, пытаясь в этом смысле конкурировать с нацистами. Другими словами, германская коммунистическая партия должна была одновременно выступать и как классовая, и как национальная партия. Ей предстояло стать рупором националистических идей, оставаясь инструментом антикапиталистического протеста. В одно и то же время партия обращалась к силам, стремившимся сокрушить существующий порядок в Германии посредством классовой борьбы, и к силам, которые рассматривали классовый мир перед лицом высшей опасности как главную национальную заповедь немцев. Эта тактика была слишком сложной и противоречивой, чтобы привести к успеху.

4. Требование союза с правыми экстремистами

Национальный курс КППГ был подтвержден на III пленуме исполнительного комитета Коминтерна в июне 1923 года. В своей речи на пленуме Радек заявил, что не следовало бы пренебрегать национальными идеалами и целями в коммунистической пропаганде. Компартия должна превратиться во всеохватывающую национальную организацию, только так она сможет стать решающим фактором в

²⁴ Ibid. P. 118.

²⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 292.

²⁶ Thalheimer A. 1914 und 1923. Noch einmal zu unserer Taktik im Ruhrkrieg // Die Internationale. 18.4.1923. P. 243.

политической жизни страны. А этого можно достигнуть лишь в союзе с националистически ориентированными немецкими массами.²⁷ К тезисам Радека присоединился Зиновьев. В речи на пленуме он спрашивал, чем можно объяснить нигилизм относительно национального вопроса в отдельных секциях Коминтерна. Тем, отвечал Зиновьев, что нерусские коммунистические партии еще не чувствовали себя партиями, способными завоевать большинство населения в своих регионах и руководить собственным народом. Такие партии отнюдь не представляют нацию, это всего лишь узкие классовые группировки. Они вообще не нацелены на то, чтобы в ближайшее время свергнуть буржуазию собственных стран и образовать свое правительство. Вот почему они недооценивают значение национального вопроса.²⁸

Чтобы объединить националистическую пропаганду с интернациональным кредо и установкой на классовую борьбу, вожди Коминтерна теперь настойчиво подчеркивали, что националистическая идеология в «порабощенных» странах носит революционный характер. А так как они характеризовали Германию как страну, угнетаемую «западным капиталом», то и сотрудничество с немецкими националистами обретало «прогрессивный» и «революционный» смысл. На III пленуме исполкома Коминтерна Радек заявил, что «значительное акцентирование национального вопроса в Германии есть революционный акт, такой же, как усиление национализма в колониях».²⁹

Речь Радека на пленуме в июне 1923 г. принадлежит к интереснейшим и важнейшим эпизодам тактики сближения Коминтерна с немецкими националистами и правыми экстремистами. Оратор восхищался правым экстремистом Лео Шлагетером, который был осужден на смерть французским военным судом. Речь Радека содержит прямое требование союза с немецкими правыми экстремистами. По словам Радека, друзья Шлагетера по партии никогда не смогут достичь своей цели - освобождения Германии от Версальского договора, если будут рассматривать немецкий рабочий класс как своего врага, а не как союзника.³⁰

Историки Эдвард Халлет Карр и Вернер Ангресс считают, что речь К. Радека в защиту Шлагетера была лишь тактическим маневром, в действительности же Радек не верил в возможность союза коммунистов и немецких правых экстремистов. Скорее всего Радек хотел, как считает Ангресс, своим призывом к правым экстремистам сорвать с них маску, чтобы показать немецким массам, что только под коммунистическим руководством возможна настоящая борьба против Версальского мира.³¹ Но это заключение малоубедительно. Курс, провозглашенный

²⁷ Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.-13. Juni 1923. Hamburg, 1923 (Protokoll des 3. Plenums des EKKI). P. 148.

²⁸ Ibid. P. 30-31; см. также: Böttcher P. Der Weg und Wille zur Macht. Ergebnisse der Erweiterten Exekutive der Komintern // Die Internationale. 1.8.1923. P. 424-425.

²⁹ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 67.

³⁰ Ibid. P. 240-245.

³¹ Angress. The Communist Bid for Power. P. 335-357; см. также Carr E.H. The Interregnum 1923-1924. L., 1960. P. 180-181.

Радеком, не был маневром, он был закономерным продолжением тактической линии Коминтерна, выработанной примерно через месяц после начала рурского кризиса. В определенном смысле его можно охарактеризовать как перенос политики Рапалло на немецкую внутривнутриполитическую арену. Немецко-советский союз против стран-победителей должен был укрепиться благодаря сотрудничеству КПГ с немецкими националистическими силами.

Рапалльский договор не привел к преодолению страха в Берлине и в Москве перед превосходящими силами Антанты. Помимо всего прочего в Германии и России опасались санкций Запада. Противники усиления связи Германии с Советской Россией, например, Густав Штресеман, видели в оккупации Рура не в последнюю очередь возмездие за советско-германское сотрудничество. Так что страх – и в Берлине, и в Москве – перед карательными мерами Запада оправдался.³²

Через пять месяцев после оккупации Рура последовал еще один наступательный акт Антанты – ультиматум, предъявленный советскому правительству английским министром иностранных дел лордом Керзоном 8 мая 1923 г. Среди прочего Керзон потребовал отказа большевиков от революционной антибританской пропаганды в Азии и отмежевания советского правительства от Коминтерна.³³ В том, что Керзон выступал против уже давно ставших обычными явлений, большевики усмотрели сознательную провокацию. Им казалось, что Англия умышленно подталкивает ситуацию к войне.³⁴ Чтобы не обострять положение, правительство СССР дало на ультиматум весьма сдержанный ответ, в котором принималось, по крайней мере на словах, многое из требований Керзона.³⁵ Но положение все же оставалось напряженным. Как раз в это время Радек произнес свою речь в защиту Шлагетера. Таким образом, можно предположить, что Радек, призывая к союзу с правыми экстремистами, хотел усилить фронт, противостоящий странам-победителям, которые в это время были в высшей степени агрессивны и опасны.³⁶

В своей речи Радек, разумеется, апеллировал не только к правым экстремистам, но и к коммунистам. Он назвал Шлагетера храбрым солдатом контрреволюции, весьма лестно описал его национальный идеализм, причем сделал это не столько с целью привлечь симпатии немецких правых экстремистов, сколько для того, чтобы преодолеть опасения немецких коммунистов по поводу роста национализма в стране. Коммунисты Германии должны научиться видеть в правых экстремистах не только врагов, но и «заблудших братьев», которые-де лишь по недоразумению воюют с коммунистами. Вожди Коминтерна не хотели видеть,

³² См. Freund. *Unholy Alliance*.

³³ Fisher. *The Soviets in World Affairs*. P. 439-441.

³⁴ *Ibid.* P. 443f.

³⁵ *Ibid.* P. 445f.

³⁶ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 332, 336-338; Goldbach M.L. *Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923*. Bonn-Bad Godesberg, 1973. P. 122-123.

как глубока в действительности была идеологическая пропасть между коммунистами и правыми экстремистами.

Зато многие немецкие коммунисты ясно отдавали себе в этом отчет. В отличие от русских товарищей они понимали, как далека от реальности выработанная в Москве стратегия, и пытались противостоять идеализации немецкого национализма руководством Коминтерна.³⁷ Немецко-чешский коммунист Зоммер опубликовал в начале июня в «Ди Интернационале» статью, где говорил о непреодолимой враждебности национализма к коммунизму и выступал против тех, кто хотел повысить популярность КПГ с помощью националистических лозунгов. «Пролетарская революция в Германии ... может вообще не победить, если не удастся нейтрализовать или привлечь на сторону революции хотя бы часть мелкой буржуазии, одураченной ныне националистами. Но это может случиться не тогда, когда коммунисты, благодаря отважному руководству рурским сопротивлением, заставят поверить в положительные стороны национализма и при этом покажут себя профессиональными вождями нации перед «добропорядочной» националистической мелкой буржуазией, но при условии, если националистическая идеология будет разрушена. Или национализм привлечет пролетариат на сторону мелкой буржуазии и оба класса вместе с буржуазией погибнут в новой мировой войне, или ... разгром националистических иллюзий склонит пролетаризированные средние слои на сторону сознательного пролетариата».³⁸

Рут Фишер вспоминает, насколько унижительным был для немецких коммунистов этот курс на Шлагетера. И все же она не совсем права, характеризуя в своих мемуарах Радека как чуть ли не единственного, кто отвечал за этот курс.³⁹ За ним стояли многие влиятельные большевистские вожди. Это подтверждают, в частности, высказывания Зиновьева и Бухарина.⁴⁰ Не говоря уже о том, что столь важное тактическое решение Коминтерна было бы немислимо без согласования с высшими органами большевистской партии. Нуждается в уточнении и другое высказывание Рут Фишер. Она утверждает, что «авантюристическая тактика» Радека не отражала ни ленинских идей, ни идей Троцкого.⁴¹ Если это и верно, то лишь отчасти. Действительно, Радек, идеализируя правого экстремиста Шлагетера, не был проводником тактики Троцкого, - сам Троцкий позднее заявлял, что он всегда считал немарксистской и беспринципной политику признания националистов.⁴² Но Р. Фишер заблуждается, говоря, что тактика Радека противоречила идеям Ленина. Радек был прилежным учеником Ленина. Известно, что Ленин

³⁷ См. Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 342-343; Buber-Neumann M. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. Ein Bericht aus der Praxis der Komintern 1919-1943. Stuttgart, 1967. P. 92.

³⁸ Sommer. Der nächste Feind, das nächste Ziel // Die Internationale. 1.6.1923. P. 342-343.

³⁹ Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 264-265, 341-343.

⁴⁰ Ibid. P. 341-343.

⁴¹ Ibid. P. 264-265.

⁴² См. Trockij. Gegen den Nationalkommunismus. Kehren des „Roten“ Volksentscheids / Idem. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P. 113-137; см. также: Wistrich R.S. Leon Trotsky's Theory of Fascism // Journal of Contemporary History. 1976. October. P. 159.

отстаивал тактическую гибкость и не раз демонстрировал блестящее умение стравливать своих противников друг с другом.⁴³ Так, в сентябре 1920 г. Ленин говорил о воодушевлении, с которым крайние немецкие националисты реагировали на успехи Красной Армии в Польше: «В Германии мы увидели такой противоестественный блок черносотенцев с большевиками».⁴⁴ Этот «противоестественный блок» Ленин приветствовал. В своей речи от 22 декабря 1920 г. Ленин оценил сближение крайних немецких националистов с большевиками как успех советской политики. Хотя шовинисты и были врагами коммунизма, но в международном плане они принуждали Германию к союзу с Советской Россией.⁴⁵ Таким образом, Радек действовал вполне в духе Ленина, когда в своей речи о Шлагетере предлагал союз немецким националистам. Несмотря на сопротивление многих немецких коммунистов этому курсу, оппозиция не смогла защитить свою собственную концепцию. Большинство в КППГ подчинилось распоряжениям из Москвы.

5. Ошибочная оценка Коминтерном немецкого правого экстремизма

Когда Радек говорил о признании немецкого национализма, дабы пристегнуть национализм к коммунистической идее, он недооценивал интенсивность националистических эмоций в тогдашней Германии. Эти эмоции достигали тогда такого накала, что не позволяли подчинить себя никаким другим целям, и стали самоцелью. Попытки руководства Коминтерна сделать эти эмоции инструментом политики, диктуемой из Москвы, с самого начала были обречены на провал.

Любые идеи, которые не выдвигали на передний план болезненно раздраженное чувство национального тщеславия, оказывались неэффективными в Германии периода между двумя войнами.⁴⁶ На предложение коммунистов о союзе немецкие правые экстремисты отреагировали скорее отрицательно.⁴⁷ В их глазах компартия была попросту иностранным агентом на немецкой земле.⁴⁸ Исключением были так называемые «национал-большевистские круги». Их представители, например, Меллер ван ден Брук и граф Ревентлов, были готовы приступить к

⁴³ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 23 и 57 и сл.; Т. 57. С. 55 и сл.

⁴⁴ Там же. Т. 41. С. 282.

⁴⁵ Там же. Т. 42. С. 105.

⁴⁶ См. Fest J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973. P. 694; Rosenberg A. Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt/Main, 1961. P. 93-94.

⁴⁷ Klemperer. Konservative Bewegungen. P. 157-159; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950. P. 65; Angress. The Communist Bid for Power. P. 349; Buber-Neumann. Kriegsschauplätze. P. 93-94.

⁴⁸ См. Adolf Hitlers Reden / Ed. E. Voepfle. München, 1934. P. 57, 79, 93-94.

диалогу с коммунистами,⁴⁹ что и было торжественно отмечено Коминтерном как победа национального курса КПП. В июне 1923 г. на уже упоминавшемся III пленуме Коминтерна Зиновьев сказал, что национал-социалистская газета «Совесть» аттестовала КПП как партию националистическую. Зиновьев счел эту характеристику комплиментом и надеялся, что КПП его заслужит. Конечно, КПП не была националистической партией, даже если ее противники так ее называли, продолжал Зиновьев. Но это указывало на то, что КПП уже развилась в такую партию, которая представляла целую нацию.⁵⁰ Двумя месяцами позднее Радек говорил: «...Наводящая на размышление форма, в которой «Совесть» и многие другие печатные органы немецких националистов обратились к моей речи, показывает, что и в руководящих кругах фашизма имеются элементы, борющиеся за истину, ищущие путь».⁵¹

Однако оптимизм руководства Коминтерна не был обоснованным. Слишком глубока была пропасть между мировоззренческими концепциями национал-большевистской идеологии и представлениями коммунистов. Правда, Меллер ван ден Брук восхищался деятельностью большевиков в России и был готов к союзу с советским государством.⁵² Тем не менее самой большой заслугой большевиков он считал то, что они форсировали национальное обновление России, не считаясь с марксистским тезисом об интернационализме.⁵³ Меллер ван ден Брук добивался и для Германии аналогичного национального обновления с помощью революционных средств.⁵⁴ Предпосылкой для этого он считал преодоление всех конфликтов внутри нации и ее максимальную сплоченность.⁵⁵

Таким образом, КПП, которая не могла отказаться от идеи классовой борьбы, не имела в концепции национал-большевиков права на существование. Тенденция национал-большевистских группировок искать сотрудничества с Советским Союзом исключительно на внешнеполитической арене, но не входить в равноправную внутриполитическую кооперацию с КПП, разочаровала Москву. На III пленуме Исполкома Коминтерна Радек говорил о графе Ревентлове, что тот считает борьбу против Антанты невозможной до тех пор, пока не повержен «внутренний враг». Этим «внутренним врагом» для Ревентлова был революционный рабочий класс.⁵⁶ Все же Радек надеялся убедить «национал-большевиков», что исключение КПП из национального фронта было бы чрезвычайной утратой для

⁴⁹ См. Klemperer. *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*. München, 1962. P. 157-158; Mohler. *Die Konservative Revolution*. P. 61-62; Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 331-333; Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 343-345; Schüddekopf O.-E. *Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik*. Stuttgart, 1960. P. 150-152.

⁵⁰ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 101.

⁵¹ Радек. *Die internationale Lage*. P. 38.

⁵² Moeller van den Bruck A. *Das Dritte Reich*. Hamburg, 1931. P. 67.

⁵³ Ibid. P. 36, 72-73.

⁵⁴ Ibid. P. 73-78.

⁵⁵ Ibid. P. 202-206.

⁵⁶ Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 242.

национального дела.⁵⁷ Диалог Коминтерна с национал-большевистскими идеологами не привел к сколько-нибудь значительным результатам. И не только потому, что идеи «национал-большевиков» противоречили идеям коммунистов. Еще важнее был тот факт, что национал-большевистские круги сумели образовать внутри правозэкстремистского лагеря лишь мелкие разрозненные группы, которые не оказывали серьезного воздействия на массы.⁵⁸ Наибольший вес в массах имели те идеологи, которые отвергали не только сотрудничество, но и какой бы то ни было диалог с марксистскими партиями.

Судя по всему, во время рурского кризиса Радек, Бухарин, Зиновьев и другие сторонники сближения с немецким правым экстремизмом еще не знали, насколько принципиален и непримирим его антимарксизм. С точки зрения идеологов Коминтерна, отрицание правым экстремизмом парламентско-демократической системы было глубже и важнее, чем его ненависть к марксистским партиям. Вожди Коминтерна в это время полагали, что всякое противостояние существующему порядку в Германии и Европе прямо или косвенно служит на пользу их делу. Так, они придерживались мнения, что коммунистов связывает с правым экстремизмом нечто большее, чем с социал-демократией, которая стала составной частью веймарской «системы». Как считал Радек, вероятность того, что правые экстремисты примут так или иначе коммунистические идеи, превышала способность воспринять их в среде миролюбивой социал-демократии.⁵⁹ Кое-кто из теоретиков Коминтерна подчеркивал даже, что коммунистов отделяет от правых экстремистов отнюдь не такой непреодолимый барьер, как от «крупных капиталистов». Один коммунистический автор писал в августе 1923 г., что враждебность фашистов к коммунизму не навеки. Коммунисты смогли бы привлечь к себе немало фашистов, если бы вовремя проявили необходимую отвагу и инициативу.⁶⁰ Тогда же Радек заявил «Есть такие классы, которые отделены от нас пропастью, и такие, с которыми мы могли бы найти связь в целях дальнейшей борьбы».⁶¹ Очевидно, он не признавал, что предлагает союз движению, которому лично он, Радек, был трижды ненавистен: как марксист, как еврей и как представитель верхушки Советского государства. Это движение уже тогда готовило истребительную кампанию против всего того, что представлял Карл Радек – против коммунизма, против Советского государства и против еврейства (Карл Радек был еврейского происхождения).

⁵⁷ Ibid. P. 242-244.

⁵⁸ См. Klemperer. *Konservative Bewegungen*. P. 154-163; Mohler. *Die Konservative Revolution*. P. 60-65.

⁵⁹ Raдек. *Der Faschismus und die deutsche Sozialdemokratie* // *Inprekorr*. 6.7.1923. Vol. 114. P. 1003-1004.

⁶⁰ L. B. „Schlageter“, *eine Auseinandersetzung* // *Inprekorr*. 1.8.1923. P. 1114.

⁶¹ Raдек. *Die internationale Lage*. P. 40.

6. Немецкий «Октябрь». Тактический поворот Коминтерна после отступления правительства Куно

Так как Веймарская республика следовала тактике пассивного сопротивления в оккупированной Рурской области, а окончания рурского кризиса не предвиделось, Коминтерн продолжал «курс Шлагетера». КПП должна была по распоряжению Москвы оставаться частью национального антизападного фронта. В то время в Коминтерне не дебатировался вопрос о захвате власти в Германии. Немецкая компартия должна была лишь бороться за популярность среди радикализирующихся пролетарских и мелкобуржуазных масс, но не заниматься непосредственной подготовкой революционного переворота. Такая тактика встретила ожесточенное сопротивление левой оппозиции внутри КПП. Левым казалось, что положение Германии исключительно благоприятно для революции. Они отвергли как тактику единого фронта с социал-демократами, так и курс Шлагетера, и хотели свергнуть существующий строй силами одного немецкого пролетариата под руководством КПП.⁶² Радек выступил 3 августа 1923 г. со статьей, где критиковал их революционное нетерпение. Компартия, напоминал он, насчитывает в своих рядах в настоящее время всего лишь 300 тысяч рабочих. Слишком мало, чтобы думать о захвате власти. Немецкая буржуазия организована, как никакая другая в мире. И коммунистическая партия должна быть так же хорошо организована. Радек оговаривался, что в России большевики в 1917 г. были еще малочисленней чем немецкие коммунисты, и все же взяли власть в свои руки. Но русская буржуазия была полностью дезорганизована, и тогдашняя русская армия находилась под влиянием большевиков. Лагерь противников немецких коммунистов намного сильнее, в партии должен быть по меньшей мере миллион членов, чтобы думать о решающих битвах.⁶³

Высказывания Радека ясно показывают, что в начале августа 1923 г. возможность революции в Германии еще не обсуждалась в руководстве Коминтерна. Положение изменилось, когда 12 августа правительство канцлера Куно было вынуждено уйти из-за всеобщей забастовки в Берлине и новым рейхсканцлером стал Густав Штресеман. Прозападные симпатии Штреземана были хорошо известны в Москве. Теперь большевикам стало ясно, что на очереди – немецко-французское сближение; до сих пор такая возможность почти не принималась в расчет большевистским руководством. Результатом сближения бывших врагов – Германии и Франции и одновременного отхода Германии от политики Рапалло могла бы быть опасная внешнеполитическая изоляция СССР. Многие исследователи и наблюдатели с полным правом отмечали, что одной из важнейших причин тактического поворота Коминтерна во второй половине августа был страх перед

⁶² См. Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 310-317.

⁶³ Radek. Der nahende Bankrott der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 3.8.1923. P. 1116.

немецко-западным примирением.⁶⁴ Руководство Коминтерна, которое еще в начале августа критиковало левую оппозицию в КПП за ее революционное нетерпение, считая нереальным коммунистический переворот в Германии, теперь само начало подталкивать КПП к захвату власти.

Со своей стороны Москва изменила свой курс в отношении Веймарской республики. Сохранение территориального единства немецкого государства, за которое большевики выступали с самого начала рурского кризиса, уже не рассматривалось как вопрос первостепенной важности. Еще в начале 1923 года советское руководство предостерегло Польшу от попыток использовать слабость Германии для аннексии Восточной Пруссии и Верхней Силезии.⁶⁵ Во второй половине августа позиция Москвы была уже совсем другой. Это можно видеть из разговора, который состоялся 20 августа между Радеком и польским посланником в Москве Романом Кноллем. Как сообщал Кнолль, Радек считает коммунистов и правых экстремистов в настоящий момент единственными силами в Германии, имеющими политический вес. В случае революции в Германии все остальные политические группы, не исключая правительство Штреземана, были бы уничтожены. И тогда решающую роль сыграет исход спора между КПП и правоэкстремистскими силами. Правые экстремисты имели бы наиболее сильные позиции в Баварии и Восточной Пруссии. Зато коммунистам, как они считают, удался бы захват власти во всех других областях страны. Правые, без сомнения, развязали бы гражданскую войну против немецкой революции. В этом случае советское руководство не возражало бы против аннексирования Польшей Восточной Пруссии. Но лишь при том условии, что Польша не будет претендовать на другие немецкие земли и не будет препятствовать доставке русского зерна революционной Германии.⁶⁶

В это же время советский дипломат Копп предлагал то же самое польскому министру иностранных дел Сайде. Тот посчитал эти авансы советской провокацией.⁶⁷ В действительности трудно судить, насколько серьезными были предложения советского правительства. Во всяком случае нельзя недооценивать сам факт подобных переговоров. Большевики рассматривали Польшу как одного из своих агрессивнейших соседей, Веймарскую же республику считали единственным союзником советского государства среди всех «капиталистических» стран. К важным мотивам немецко-советского сближения принадлежало общее для обеих стран враждебное отношение к Польше - сильнейшей опоре Версальского порядка в восточной Европе; обе стороны были заинтересованы в устранении Польши как помехи между Германией и Россией. И как раз этому государству большевики предлагали аннексировать немецкую провинцию. Это показывает,

⁶⁴ См. Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 391-393; Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 368-369, 379.

⁶⁵ См. Eudin, Fischer. *Soviet Russia and the West*. P. 177-178.

⁶⁶ См. Carr. *The Interregnum*. P. 218-219; G. Bessedowsky. *Im Dienste der Sowjets. Erinnerungen*. Leipzig, 1930. P. 163; Krasuski J. *Stosunki polsko-niemieckie 1919-1932*. Poznań, 1975. P. 36.

⁶⁷ Bessedowsky. *Im Dienste der Sowjets*. P. 171-175; Krasuski. *Stosunki polsko-niemieckie*. P. 37.

насколько радикальным был тактический поворот Коминтерна во второй половине августа в сфере немецкой политики.

Установка большевиков на немецкую революцию после ухода правительства Куно, а также пересмотр шлагетеровского курса были связаны не только с внутринемецкими причинами. Тот факт, что в это время большевистское руководство было охвачено таким же революционным нетерпением, какое совсем недавно ставилось в вину немецким коммунистам, связан с определенными процессами внутри самого руководства. Это обстоятельство слишком мало освещено в имеющихся исследованиях. На тактические соображения большевиков лета 1923 года и их оценку тогдашнего положения Германии в значительной мере повлияла борьба за ленинское наследие, которая велась тогда в большевистском руководстве. Краткая характеристика ситуации этой борьбы может пролить свет на подоплеку внешнеполитической тактики большевиков.

Борьба за ленинское наследство разгорелась уже незадолго до смерти вождя. Ленин предвидел эту борьбу, в своем политическом завещании в декабре 1922 года он предостерегал руководство партии от раскола. В конфликте между Троцким и Сталиным, которые были охарактеризованы им как две самые значительные фигуры в партии, он видел величайшую опасность для будущего большевистской партии.⁶⁸ Здесь проявилось тонкое психологическое и политическое чутье Ленина. В конце 1922 г., когда Ленин писал свое завещание, никому из тех, кто составлял элиту партии, не пришло бы в голову ставить Сталина на один уровень с Троцким и рассматривать Сталина как одну из ведущих фигур. Недооценка Сталина старой большевистской гвардией и переоценка опасности возможной «бонапартистской» диктатуры Троцкого красной нитью проходит сквозь борьбу за наследие Ленина. Борис Бажанов, в 1923-1924 гг. секретарь Политбюро, бежавший на Запад в 1928 г., сообщает о чрезвычайно интересном и имевшем большие последствия заседании Политбюро, которое состоялось 23 августа 1923 года; на нем ясно обозначилась конкурентная борьба между Троцким и его противниками в большевистском руководстве. Ради этой встречи многие прервали свой отпуск. В крайне накаленной атмосфере обсуждались перспективы революции в Германии.⁶⁹ Мотором дискуссии был Лев Троцкий. По его мнению, новая революционная волна, которую так долго ожидали большевики, уже поднялась. Победа немецкой революции приведет к краху мировой буржуазии. Теперь большевики должны отдать все свои силы немецкой революции. Или она одержит победу – и следом разразится мировая революция, или немецкий рабочий класс потерпит поражение – тогда и советское государство будет уничтожено «мировым капиталом». Для Троцкого победный исход немецкой революции был вопросом ближайших недель.⁷⁰ Точка зрения других членов Политбюро была ос-

⁶⁸ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 344 и сл.

⁶⁹ Bažanov B. Stalin, der rote Diktator. Von seinem ehemaligen Privatsekretär. Berlin, 1931. P. 123; см. также Angress. The Communist Bid for Power. P. 393.

⁷⁰ Bažanov. Stalin. P. 123-124.

торожней. Зиновьев не верил в быструю победу немецких коммунистов. Сталин был еще более скептичен. Он сомневался, в состоянии ли немецкие коммунисты хотя бы на время захватить власть в Германии.⁷¹ Нельзя сказать, чтобы оппоненты Троцкого вовсе не придавали значения возможной революции в Германии. Но они не разделяли его уверенности, что от исхода немецкой революции зависит судьба советского государства. Точно так же они не были готовы рисковать столь многим ради этой революции, как требовал Троцкий.⁷²

Анализируя эти дебаты, невозможно отрешиться от впечатления поразительного сходства со спорами, которые шли в большевистском руководстве перед Октябрьской революцией в России. Тогда Ленин решительно требовал от большевистского руководства немедленного восстания, и считал, что отсрочка окажется для большевиков смертельной. Но большинство в Центральном Комитете не было убеждено в успехе восстания против Временного правительства и не соглашалось с Лениным. Вождю пришлось пустить в ход все свое полемическое искусство, даже пригрозить уходом в отставку.⁷³ В этом споре Троцкий стоял на стороне Ленина.⁷⁴ В конце концов им удалось убедить значительную часть большевистского ЦК в необходимости немедленного удара. Зиновьев и Каменев были единственными членами ЦК, которые до последнего момента придерживались мнения, что восстание является безответственной авантюрой и окончится катастрофой. Больше того, за несколько дней до запланированного переворота они выступили в печати против восстания, раскрыв тайные планы партии. Оба покинули все руководящие органы и вернулись в партию лишь через несколько дней после благополучно окончившегося государственного переворота.⁷⁵ В своем политическом завещании, написанном пятью годами позже, Ленин заметил, что действия Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года не были случайными.⁷⁶ Для Каменева и особенно для Зиновьева этот эпизод их политического прошлого был настоящей травмой. Зиновьев рассматривал как величайшую ошибку своей жизни то, что в решающий для истории партии момент он не встал на сторону Ленина.⁷⁷ При анализе действий большевистского руководства накануне немецкого «Октября» не следует упускать из виду события, предшествовавшие государственному перевороту в октябре 1917 года.

Троцкий не был убежден в способности старой большевистской гвардии к решительным действиям. Впоследствии он часто писал о том, как Ленину приходилось навязывать свои решения колеблющемуся и нерешительному большеви-

⁷¹ Ibid. P. 124-125; Trockij. Stalin. T. 2. P. 203.

⁷² Važanov. Stalin. P. 124-125.

⁷³ См. Trockij. Geschichte der russischen Revolution. P. 795-831; idem. 1917. Die Lehren der Revolution. P. 50-56 и 76; E. H. Carr. The Bolshevik Revolution. Vol. 1. P. 93-97.

⁷⁴ Deutscher. Der unbewaffnete Prophet. P. 277-279.

⁷⁵ См. Bunyan J., Fisher H.H. The Bolshevik Revolution 1917-1918. Documents and Materials. Stanford/California, 1965. P. 59-62. Carr. Socialism in One Country. Vol. 1. P. 154, 160-161.

⁷⁶ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 345.

⁷⁷ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 7.

стскому руководству. Но теперь, в 1923 г., Ленин был смертельно болен, и большевики должны были впервые принять решение чрезвычайной важности без него.⁷⁸ По поведению Троцкого летом и осенью можно заключить, что он самолично хотел взять на себя роль, какую Ленин при его поддержке играл в октябре 1917 года. Теперь Троцкий одновременно был и предостерегающей, и движущей силой. Он повторял слова Ленина о том, что судьба большевиков зависит от их оперативности. Но за спиной у большевистских руководителей уже было шесть лет существования их режима. За эти годы они научились преодолевать чрезвычайные опасности и выходить с победой из почти безвыходных ситуаций. Летом 1923 года не могло быть и речи о смертельной опасности для большевистского режима. Тем не менее Троцкий твердил, что судьба режима решается теперь в Германии. Почему? Можно предложить несколько объяснений этой позиции Троцкого. Опасности, которые видел Троцкий, были скорее внутреннего, нежели внешнего характера. Троцкий боялся возврата отсталой России к «капиталистическим» отношениям: государству не удалось успешно конкурировать с частным сектором после двух лет НЭПа.⁷⁹ Другую опасность для режима Троцкий усматривал в бюрократическом перерождении большевистской партии и в исчезновении революционного идеализма у большевиков.⁸⁰ Всё это видел и Ленин на исходе своей политической деятельности. В своих последних речах и работах он вновь и вновь призывал своих соратников бороться как с отсталостью России, так и с бюрократизацией партии.⁸¹ Оба сходились в своем диагнозе, но средства, предлагаемые Лениным и Троцким, были различными. Ленин полагал, что опасности можно избежать, лишь повысив общий культурный уровень народа.⁸² Предложения же Троцкого гораздо меньше, чем ленинские, касались России. С его точки зрения, только помощь революции на промышленно развитом Западе могла воспрепятствовать перерождению партии и возврату России к «капитализму».⁸³

Требование Троцкого форсировать события в Германии, можно сказать, имело успех в большевистском руководстве.⁸⁴ Зиновьев теперь соревновался с Троцким в радикализме.⁸⁵ Потрясение от неправильно понятой ситуации в октябре 1917 года лежало, по всей вероятности, в основе его позиции: теперь он явно переоценивал перспективы немецкой революции. Кроме того, Зиновьев, как и другие

⁷⁸ Троцкий. 1917. Die Lehren der Revolution. P. 50-56, 76; idem. Geschichte der russischen Revolution. P. 795-831; idem. Mein Leben. P. 290.

⁷⁹ См. Троцкий. Речь на XII съезде РКП (б) // Двенадцатый съезд РКП (б). 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 312-352; его же. Die Grundfragen der Revolution // Inprekorr. 1923. September. Vol. 145. P. 1259-1260.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 383 и сл., 389 и сл.

⁸² Там же. Т. 45. С. 376 и сл., 389-406.

⁸³ См. Deutscher. Der unbewaffnete Prophet.

⁸⁴ См. Goldbach. Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923. P. 131-132.

⁸⁵ См. Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 19.10.1923. Vol. 163. P. 1387-1389.

противники Троцкого в Политбюро, не хотел оставлять немецкую революцию в распоряжении одного Троцкого. Большинство членов Политбюро опасалось, что в случае успеха этой революции Троцкий вновь явится в ореоле победителя перед мировым коммунистическим движением, а его конкурентов снова заклеят как нерешительных оппортунистов.

В итоге Политбюро поддержало Троцкого. Было вынесено решение о поддержке немецкой революции.⁸⁶ Но оно совпало с моментом, когда революционная ситуация в Германии уже миновала свой апогей. Многие наблюдатели и историки, например, Рут Фишер, Франц Боркенау, Вернер Ангресс и другие, считают кульминацией революционного развития июль и первую половину августа – до генеральной забастовки 12 августа 1923 г., которая привела к падению правительства Куно. Проект немедленного революционного удара был тогда отвергнут руководством Коминтерна.⁸⁷

7. Революционные ожидания в Москве

В первые сентябрьские недели 1923 года атмосфера в Москве была полна революционных ожиданий, сознания близкого всемирно-исторического поворота. Казалось, непосредственно приблизился разгром «мирового капитала». Похожие настроения царили и в советской столице три года тому назад, когда Красная Армия стояла под Варшавой. По крайней мере часть большевистского руководства была тогда охвачена революционной романтикой: надеялись одним ударом покончить с «мировым капиталом». Даже Ленин, утратив свойственную ему осторожность, поддался этим чувствам.⁸⁸ Зато Троцкий и Радек предостерегали большевиков от чрезмерного революционного оптимизма и вторжения в исконно польские области.⁸⁹ Теперь же, осенью 1923 г. Троцкий сам стал революционным романтиком.

С трезвой и осторожной оценкой, которая в определенной степени соответствовала позиции Троцкого в 1920 г., выступил Сталин. И все же теперь, как и тогда, оптимисты сумели одолеть своих более осторожных оппонентов и добились принятия своих программ. Эти победы говорят многое о шкале идеологических и политических ценностей на тогдашнем этапе истории большевистской партии.

⁸⁶ См. Angress. *The Communist Bid for Power*. S. 393ff.; Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 379; Bažanov. *Stalin*. P. 125-127.

⁸⁷ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 391; Borkenau. *The Communist International*. P. 247; Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 392; Tjaden K.H. *Struktur und Funktion der KPD- Opposition (KPO). Eine organisatorisch-soziologische Untersuchung der „Rechts“-Opposition im deutschen Kommunismus zur Zeit der Weimarer Republik*. Meisenheim, 1964. P. 32-33.

⁸⁸ См. Троцкий. *Über Lenin*. P. 85-86; Fisher. *The Soviets in World Affairs*. P. 268-271.

⁸⁹ Fisher. *The Soviets in World Affairs*. P. 268-271; Deutscher. *Der unbewaffnete Prophet*. P. 434, 436, 439.

Идеал мировой революции до такой степени владел партией, что аргументы защитников этой революции почти автоматически приобретали больший вес, чем все возражения скептиков, едва только открывалась перспектива такой революции – как бы ни была мала эта перспектива.

Изменение политики Коминтерном в Германии после падения правительства Куно неизбежно должно было повлиять на отношение коммунистов к правым экстремистам. Правда, коммунисты еще настойчивей подчеркивали идею пролетарской революции в своей пропаганде, направленной на немецкие мелкобуржуазные массы.⁹⁰ Но это не означало, что из их программы исчезли националистические лозунги. Коминтерн пытался связать их с лозунгами коммунизма. Политика союза с немецкими правыми экстремистами сменилась конкурентной борьбой за влияние на националистически настроенные мелкобуржуазные массы. В этой связи Зиновьев сказал 22 октября 1923 года: «Немецкие коммунисты не только вправе, но и обязаны вырывать из-под власти буржуазных националистов те слои неимущих, которые следуют за фашистами из верной и справедливой ненависти к угнетателям из Антанты».⁹¹

Чтобы не отдать немецкую мелкую буржуазию «фашистам», коммунисты наперебой с правыми экстремистами состязались в радикализме своей националистической пропаганды, в нападках на «капитулянтское» правительство Штреземана. Прекращение Штреземаном пассивного сопротивления в Рурской области 26 сентября 1923 г. рассматривалось Радеком как полная капитуляция Германии.⁹² Он считал, что в личности Штреземана воплощено банкротство всей немецкой буржуазии в целом. Глубинный смысл событий в Германии Радек усматривал в том, что правящие классы в этой стране отказались от своей главной функции – обеспечения национального единства и независимости страны. И поэтому они обречены на гибель.⁹³ Второго октября 1923 года Радек призывал немецкий народ отомстить за все унижения, испытанные им со стороны стран-победительниц,⁹⁴ его аргументация не отличалась от доводов немецких националистов.

Вопреки всем попыткам немецких коммунистов перегнать правых экстремистов на поприще националистической пропаганды, они не имели шансов на успех; в националистической агитации коммунистов чувствовалась раздвоенность, чего не было, например, у национал-социалистов. Коммунисты, чтобы сохранить верность самим себе, не могли проповедовать безоглядную национальную ненависть, хотя бы потому, что им постоянно приходилось подчеркивать необходимость дружбы с Советским Союзом, важность международной солидарности пролетариата. Нацистская партия в подобных оговорках не нуждалась.

⁹⁰ Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 379-380; Buber-Neumann. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. P. 106-107; Angress. The Communist Bid for Power. P. 408-415.

⁹¹ Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 22.10.1923. P. 1396.

⁹² Radek. Die Kapitulation der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 2.10.1923. Vol. 155. P. 1327.

⁹³ Ibid. P. 1327-1328.

⁹⁴ Ibid. P. 1328.

8. Октябрьское поражение

Начиная с сентября 1923 года коммунисты полным ходом вели подготовку к перевороту в Германии. Повсеместно создавались пролетарские сотни. Тысячи немецких коммунистов проходили военную подготовку под руководством советских инструкторов. По плану, выработанному в Москве, ядром германской революции должны были стать земли Саксония и Тюрингия. В начале октября успешно прошли переговоры о создании коалиции между левыми социалистическими правительствами этих земель и коммунистами. Коммунисты должны были войти в состав саксонского правительства Цайгнера и тюрингенского правительства Фрëлиха. Этот шаг должен был означать начало революционных преобразований по всей Германии.⁹⁵ Ведущим немецким коммунистам было понятно, сколь вызывающим выглядел этот шаг в глазах консерваторов, не говоря уже о правых экстремистах. Председатель КПП Брандлер пытался сопротивляться нажиму большевистских вождей, требовавших от него немедленно вступить в земельные правительства Средней Германии. Он хотел подождать до тех пор, пока коммунисты не завоюют на свою сторону большинство населения в обеих землях.⁹⁶ Но большевики все же смогли навязать ему свою волю.

Непосредственно перед вступлением КПП в саксонское правительство один из идеологов КПП Пауль Беттхер анализировал возможную реакцию имперского правительства и «фашистов» на этот процесс. Беттхер был далеко не так оптимистичен, как некоторые большевистские вожди. По его мнению, пролетариат Саксонии Тюрингии окружен «гитлеровскими гвардейцами» с юга и соединениями рейхсвера с севера. И хотя КПП, войдя в правительство, временно перехватила инициативу, контрреволюция может нанести удар в любой момент и начать карательные акции против пролетариата. Беттхер обратился с призывом к рабочему классу всей Германии не допустить разгрома рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии.⁹⁷ Таким образом, он весьма реалистически оценивал угрозу, нависшую над коммунистическо-социалистическими правительствами в Центральной Германии.

Опасность сознавал и Радек. Его статья в «Правде» в конце сентября была посвящена этой теме. Он указал на то, что и «фашисты» во главе с Людендорфом и Гитлером, и имперское правительство в одинаковой мере стремятся уничтожить «красную» Центральную Германию. Однако Радек находил правительство Штреземана слишком слабым для решающей борьбы со своими внутривнутриполитическими противниками.⁹⁸

⁹⁵ См. Die Lehren der deutschen Ereignisse. Das Präsidium der Kommunistischen Internationale zur deutschen Frage. Januar 1924. Hamburg, 1924. P. 60.

⁹⁶ Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 380, 410; Angress. The Communist Bid for Power. P. 400-401; Deutscher. Der unbewaffnete Prophet. P. 145.

⁹⁷ Böttcher P. Die sächsisch-thüringische Regierung // Inprekorr. 12.10.1923. Vol. 160. P. 1364.

⁹⁸ Радек. Капитуляция Германии и фашистский переворот в Баварии // Правда. 28.9.1923.

В бессилии веймарского правительства были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты, которые всего лишь через год после похода итальянских чернорубашечников на Рим планировали свой собственный поход на Берлин, чтобы расчитаться с парламентским государством, как это сделали фашисты в Италии. Нацисты упустили из виду, что положение тогдашнего веймарского правительства было куда благоприятней, чем положение либерального итальянского правительства накануне переворота. Либеральные правительства в предфашистской Италии не пользовались поддержкой ни одной значительной массовой партии. Это чрезвычайно осложнило сопротивление итальянских либералов фашизму. В то же время правящий слой в Италии все больше поддавался соблазну сомкнуться с массовым правым движением, которое явно стремилось защищать существующий строй от марксистов. Веймарское же правительство пользовалось в 1923 г. поддержкой двух партий с массовой базой: католического центра и, что еще важней, социал-демократов. Другими словами, правительство в своей борьбе против попыток переворота располагало массовой базой как на левом, так и на консервативном фланге.

Вот почему правящие круги Германии не испытывали в то время столь сильного соблазна воспользоваться одной из экстремистских партий в борьбе с другой, как это было в предфашистской Италии. На эту разницу указывал еще в 1946 г. советский историк Слободской. Он говорил о том, что итальянская буржуазия, в отличие от немецкой, не могла полагаться на сочувствие социал-демократов. Поэтому консервативные круги Италии в ходе послевоенного кризиса с самого начала отвергли демократию и парламентаризм и сравнительно быстро пошли на сговор с фашистами.⁹⁹ Этот тезис Слободского полностью соответствует действительности. Пропасть между «буржуазным» итальянским государством и социалистами способствовала установлению союза между консерваторами и фашистами. Само собой разумеется, что в Германии тоже существовала глубокая взаимная антипатия между социал-демократами и консерваторами. Тем не менее определенным силам в обоих лагерях удалось временно ее преодолеть, что и позволило создать Веймарскую республику.

Однако эти силы столкнулись с мощной оппозицией внутри собственных партий. Оппозиционные силы стремились объединиться с другими партнерами. Какие альтернативы имели при этом в виду эти оппозиционные силы, стало ясно осенью 1923 г. на примере Центральной Германии и Баварии. Там в локальном масштабе сложились коалиции, которые стремились вынести на общегосударственный уровень, с одной стороны, требования оппозиции внутри СДПГ, а с другой - требования оппозиции внутри консервативного лагеря. Левая социал-демократическая оппозиция предпочла союз с коммунистами союзу с консерваторами, а оппозиция внутри консервативного лагеря, со своей стороны, считала, что национал-социализм - лучший союзник, чем социал-демократия. Но распро-

⁹⁹ Slobodskoj S. Der italienische Faschismus und sein Zusammenbruch. Berlin, 1948. P. 42, 50-52.

странить «баварской» или «саксонской» модели на всю страну не удалось. Веймарская коалиция была еще достаточно крепка, чтобы противостоять экстремистским требованиям с обеих сторон. Да и сами эти модели уже осенью 1923 г. продемонстрировали, до какой степени двойственными, внутренне раздробленными были оба этих союза, альтернативных веймарской коалиции.

В октябре этого года коммунисты вступили в союз с политической группировкой, боееспособность и политические цели которой сами коммунистические лидеры оценивали по меньшей мере скептически. Хотя вожди Коминтерна и приветствовали то, что левые социал-демократы предпочли сотрудничество с КПГ практиковавшемуся большинством СДПГ союзу с буржуазными партиями, это признание было однако обставлено множеством оговорок. 25 октября 1923 г. Зиновьев сравнил левых социал-демократов с левыми эсерами, которые после Октябрьской революции некоторое время сотрудничали с большевиками, чтобы затем выступить против них.¹⁰⁰ По словам Зиновьева, радикализация масс вынудила левую социал-демократию пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы не допустить окончательного перехода масс на сторону коммунистов. С этим не вполне добровольным партнером надо быть начеку, коммунисты не должны допустить, чтобы левые социал-демократы играли самостоятельную роль в коалиционном правительстве: «Как только эти господа вступят в революционное правительство, они наверняка предпримут попытку в решающий момент превратить революционное правительство в дискуссионный клуб. В тот момент, когда потребуются железная диктатура и стальная решимость, они будут висеть на революционном правительстве, как гири на ногах. Излишняя «поддержка» со стороны левого крыла СДПГ может оказаться роковой для пролетарской революции».¹⁰¹ С такими настроениями коммунисты вступили в союз с левыми социал-демократами. Сомнения коммунистов в готовности левых социал-демократов противостоять общегерманскому правительству оправдались. Когда рейхсвер приступил к ликвидации «саксонского эксперимента», левые социал-демократы отвергли требование коммунистов предпринять насильственные контрмеры. «Ненадежность» социал-демократии нанесла окончательный удар и без того малореальным революционным планам Коминтерна.

Но и Гитлер несколько недель спустя имел возможность убедиться в «ненадежности» своих консервативных союзников. Марш на Берлин потерпел такое же поражение, как и «немецкая Октябрьская революция». Гитлер увидел, что его консервативные партнеры не хотят вооруженного столкновения с государственной властью. Опыт политического флирта с мнимыми союзниками, приобретенный коммунистами и национал-социалистами, оказался весьма сходным. Но обе группировки сделали из этого принципиально разные выводы. В отличие от коммунистов, не подвергавших сомнению правильность собственной тактики и считавших причиной своего поражения лишь «неустойчивость» своих союзни-

¹⁰⁰ Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 25.10.1923. Vol. 165. P. 1404.

¹⁰¹ Ibid.

ков, Гитлер не настаивал на непогрешимости своей тактики. Лучше коммунистов он понял, что нельзя ждать многого от политических сил, отвергающих применение прямого насилия. Поэтому он решил изменить не характер своих союзников, а собственную тактику. Тогда, быть может, колеблющиеся союзники превратятся в надежных партнеров.

Так зарождалась гитлеровская идея «легализма» - прихода к власти при помощи государственного аппарата, а не вопреки ему.